

ТЕМА ПАМЯТИ В ДЕПОРТАЦИОННОМ ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА РСФСР Г.О. РОКЧИНСКОГО (1944–1947)*

Батырева Светлана Гарриевна¹

¹ доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: sargerel@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теме Памяти в депортационном творчестве народного художника РСФСР Г.О. Рокчинского (1923–1993). В годы Великой Отечественной войны он был военнотружеником Красной армии и подвергся ссылке в Широклаг по этническому признаку, как калмык. В творчестве художника этого периода (1944–1947 гг.) значительное место занимают графические образы калмыков-фронтовиков, в том числе находившихся в Широклаге.

Исследование, строящееся на описании и анализе малоизвестных в калмыцком изобразительном искусстве портретов, характеризует людей того времени — драматического периода в жизни калмыцкого народа. Произведения художника, рассмотренные в исследовании, выступают наглядным свидетельством стремления калмыков-красноармейцев, подвергшихся унижениям и страданиям в эпоху сталинских репрессий, зафиксировать в памяти потомков достойный образ фронтовика.

Ключевые слова: изобразительное искусство, историческая память, депортация, Широклаг, портретный образ, калмыцкий народ.

Прошло уже четверть века, как ушел из жизни народный художник РСФСР Г.О. Рокчинский (1923–1993), являвшийся патриархом современного изобразительного искусства Калмыкии. Казалось бы, его творчество уже давно должно быть изучено и раскрыто специалистами, но на самом деле, даже спустя десятилетия после смерти мастера мы находим неизвестные ранее его работы, которые позволяют по-новому взглянуть на развитие таланта художника. К числу наименее известных следует отнести ранние работы Г.О. Рокчинского, который стал рисовать, еще будучи школьником, и продолжил свое творчество в период

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

войны и первые годы депортации. Однако профессиональное образование юный гений получил лишь в 1950-е гг., окончив Алма-Атинское театрально-художественное училище имени Н.В. Гоголя, находясь с семьей в депортации.

Свидетельством раннего творчества юного Гари Рокчинского стала фотография, хранящаяся в Российского государственном архиве литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Г.В. Нурова в своей работе, посвященной 90-летию патриарха, подчеркивает, что его творчество начиналось «с детских рисунков маленького Гари, с его неуемной тяги к карандашу и краскам. Это было до войны, в 30-х годах XX века, когда государство жило новыми идеями, строилась новая жизнь в стране Советов и строилась калмыцкая республика, строилась Элиста.

В Элисте этого времени бывали журналисты из Москвы, они приезжали в командировку, делали репортажи и уезжали обратно домой, увозя воспоминания о загадочном степном народе и его новой жизни. Отголосом эпохи довоенного строительства столицы республики стала фотография (1937) мальчика Гари, рисующего А.С. Пушкина. Человеком, сделавшим снимок, был Аркадий Васильевич Шишкин (1899–1985) — фотокорреспондент журнала «Крестьянка». Оригинал и негатив снимка хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства — РГАЛИ. Его название «Фотография Гари Рокчинского с нарисованными им портретами А.С. Пушкина». На обороте фотографии надпись (возможно, рукой фотографа): «Образцовая школа 10-летка в г. Элиста Калмыцкой АССР. Рокчинский Гаря к Пушкинским дням нарисовал портрет Пушкина — взрослого, в детстве, в саду, в Крыму и другие» [Нурова 2014: 86–87]. Уникальное фото из фондов РГАЛИ мы приводим в статье [РГАЛИ. Ф. 617. Оп. 1. Д. 223. Л. 8–8а].

Оценивая период творческого становления художника, Г.В. Нурова пишет: «Небольшая, но ценная для нас находка из фондов РГАЛИ дает возможность увидеть патриарха калмыцкой живописи, большого мастера в самом начале его пути, когда сохранялось еще ядро традиционной культуры народа. Не была до конца перерезана пуповина, связывающая народ с истоками» [Нурова 2014: 88].

Действительно, романтизм творчества Гари Рокчинского идет из его детства, из «генетической памяти предков» и в итоге дарует «мужество

быть самим собой» [Батырева 2004: 31], оставив след не только в искусстве, но и в сердцах поколения современников. *«Нетронутым, строгим и прекрасным запомнился мир калмыцкой культуры юному художнику, наполняя силой его самобытное творчество, питая его на многие долгие годы вперед»* [Нурова 2014: 88].

Особым периодом, преддверием большого творчества стали драматические годы истории калмыцкого народа в период сталинских репрессий и геноцида. Это время становления творческой личности, чьи произведения позже стали классикой изобразительного искусства Калмыкии 2-й пол. XX в. До сих пор, время от времени, обнаруживаются неизвестные ранее портреты калмыков-фронтовиков, созданные им в 1940-х гг.

После окончания школы юный Г.О. Рокчинский поступил на учебу в Астраханской речной техникум. С началом войны в 1941 г. он был призван в ряды Красной армии и направлен в Батайскую военную авиационную школу имени А.К. Серова. Затем молодой курсант служил в авиационной школе первоначального обучения, но в начале 1944 г. вместе со своим народом был подвергнут репрессиям по национальному признаку и сослан в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД (Широклаг). Вместе со всеми ссыльными калмыками-военнослужащими Рокчинский испытал все тяготы и страдания безвинно осужденных на каторжные работы Широкага. Тем не менее, молодой мастер портретной графики находил время для того, чтобы запечатлеть для потомков образы своих сослуживцев и соратников по несчастью. Эти образы до сих пор хранятся в семьях как реликвии военного времени. Презентация этих произведений большей частью имеет спонтанный характер. Их обнаружение, как правило, не сопровождалось целенаправленными поисками и происходило случайно, время от времени проявляясь в воспоминаниях немногочисленных современников тех событий, а чаще всего в свидетельствах их потомков, подтверждаемых оригиналами произведений из семейных архивов.

Таков портрет молодого военного в форме старшего сержанта времен Великой Отечественной войны Алексея Даржиновича Емченова (1911–1947), впоследствии гвардии старшего лейтенанта и замполита. Согласно атрибуции, произведенной по заявке родственников, погрудное изображение дано в $\frac{3}{4}$ повороте справа налево в вертикальном формате графического листа. Открытое с короткой прической темных волос лицо молодого калмыка: немного скуластое с улыбающимися светлыми глазами, волевым подбородком, прямым носом и полуулыбкой на твердо очерченных губах. Он одет в китель со стоячим воротничком на шее, застегнутым на пуговицы. На плечах погоны с застежкой и лычками старшего сержанта. Справа на груди 3 планки за ранения и перевязь планшета, одетого на правое плечо и разделяющего нагрудные карманы. Предполагаемый возраст изображенного — 30–35 лет. Фон портрета

затемнен растушевкой, условность его подчеркнута зигзагообразным штрихом, протянутым от слова «ПАМЯТЬ» сверху и очерчивающим погрудное изображение снизу размашистой надписью «С УРАЛА». Размер рисунка: 18,5 x 14,8 см. Датируется он, судя по пометке в левом нижнем углу, 15 августа 1944 г. Место создания — Широклаг.

История другого рисунка была рассказана Б.Э. Убушиевой, кандидатом филологических наук, старшим преподавателем кафедры калмыцкого языка и монголоведения КалмГУ на конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства» в 2013 г. В семье фронтовика, депутата областного совета трудящихся Калмыцкой автономной области в 1957–1959 гг. Э.Н. Убушиева (1919–1988) бережно хранится портрет молодого калмыка в военной форме. Долгое время рисунок находился в семейном архиве и историю его происхождения знали немногие: сам автор — Гарри Олегович Рокчинский (1923–1993), тот, кто изображен на портрете, — Эренджен Нохашкиевич Убушиев, его супруга Убушиева Байн Оконовна (1920–2011) и сын Николай, которым было адресовано письмо с портретом военного времени.

В советское время мало кто интересовался устными рассказами и свидетельствами времен репрессий, военного лихолетья, депортации... Когда дети стали изучать архив отца после его смерти, то обнаружили «много документов не только личного характера, но и важных для изучения истории калмыков 1930-х–1960-х годов прошлого столетия. Э.Н. Убушиев был образованным человеком, слыл хорошим рассказчиком и знатоком народных традиций, калмыцкого фольклора... Убушиев Эренджен Нохашкиевич, 1919 года рождения, рядовой 112 Армейского Запасного стрелкового полка Карельского фронта, с 24 июня 1941 по 15 ноября 1944 года входившего в состав Действующей армии, в 1944 году вместе с другими калмыками-фронтовиками оказался в Широклаге. По понятным причинам он не рассказывал детям о причине депортирования в Широклаг, об унижениях и тяготах лагерной жизни» [Убушиева 2014: 109].

В 1970-е гг., расспрашивая детей-студентов о жизни Калмыцкого университета, о калмыцких писателях, художниках, ученых, многих из которых он знал лично (Д.А. Павлова, А.Ш. Кичикова, И.М. Мацакова и др.), а с некоторыми вел переписку (А.И. Сусеевым, М.Б. Нармаевым), он справился о здоровье Г.О. Рокчинского, поинтересовался, чем тот занимается, встречается ли со студентами. Вспоминая о нем, Э.Н. Убушиев восхищенно говорил о его таланте и способности творить даже в лагерных условиях, когда они работали до изнеможения и жили впроголодь. Рассказал, что он всячески старался поддержать молодого художника-земляка: как делились по-товарищески последним куском хлеба, вспоминали родное кочевье Шорвин кец, тайком и урывками делились знаниями о героическом прошлом ойрат-калмыков. Как-то во время такой беседы Г.О. Рокчинский написал его портрет [Убушиева 2014: 109].

Для воссоздания более полной картины истории этого рисунка Б.Э. Убушиева привела воспоминания матери Байн Оконовны Убушиевой: *«В 1944 году, находясь в Сибири (Алтайский край, Сростинский район, племсовхоз «Катунь»), я получила письмо от мужа с карандашным портретом. На нем было написано «Мише от папы 28.7.44», а в углу подпись «Гарри». Эренджен Нохаикиевич не знал, что сына, родившегося уже после его ареста в 1939 году по наговору, назвали Николаем»*. Байн Оконовна вынесла все тяготы трагических событий высылки калмыков в Сибирь с малым ребенком на руках, без мужа, одна. *«... маленького мальчика Николая все звали Миколкой, поэтому на рисунке значится надпись «Мише от папы». Известие о рождении у него сына придавало бойцу силы преодолеть, казалось бы, невыносимые условия»* [Убушиева 2014: 109].

Б.Э. Убушиева отмечает: *«На рисунке, сделанном карандашом, мы видим не униженного лагерного «зэка», а портрет молодого военного, полного отваги и достоинства, непоколебимого желания победить, который твердо верит в торжество справедливости. Как истинный художник молодой Гарри Рокчинский в образе солдата Красной Армии Эренджена Убушиева показал достойного представителя своего народа, который на протяжении многих лет неоднократно подтверждал истинное служение России... В 1944 году Эренджену Убушиеву было всего 25 лет. Но с портрета на нас смотрит зрелый, выдавший виды взрослый человек, во взгляде которого читается многое. Напряженность в крепко сжатых губах, большие, широко открытые глаза с пристальным выражением, словно человек пытается осмыслить и понять происходящее с ним и его народом. Только большой художник, сам испытавший многое в жизни, способен в карандашной наброске, сделанном в короткие минуты отдыха, запечатлеть... страницу не только истории одной семьи, но и целого поколения... пожелтевший со временем рисунок на тетрадном листке... бережно хранится уже много лет*

в семье Убушиевых... незабываемую память об их отце, деде, прадеде... всем последующим поколениям большого рода Тугтн шебенеров Дунд Хурула. Не зная автора портрета, ...Убушиева Байн Оконовна на протяжении всей долгой жизни, дарованной ей (прожила 92 года, родила и вырастила с мужем десятерых детей, увидела счастливую жизнь 25 внуков и 26 правнуков), адресовала ему благопожелания и молитвы... На память об этом нелегком времени остался его портрет. Хранимый как семейная реликвия, он перешел в руки детей его старшего сына Николая Эрендженевича Убушиева» [Убушиева 2014: 110–111].

К произведениям депортационного периода в творчестве известного калмыцкого художника относится и портрет Софьи Николаевны Онджиновой, сделанный в Широклаге в 1944 г. В сообщении сотрудника Национального музея Республики Калмыкия имени Н.Н. Пальмова И.А. Каруевой, сделанном на конференции, посвященной 90-летию Народного художника РСФСР, находим еще одно свидетельство о его творчестве того периода: *«его имя тесно связано со становлением национальной живописной школы. Работы художника узнаваемы и любимы.... судьба его тесно переплетена с судьбой народа, с которым разделил он трагическую участь депортации, испытал искреннюю радость Победы в Великой Отечественной войне.*

Г.О. Рокчинский — участник Великой Отечественной войны. С первых дней войны курсант авиационной школы имени А.К. Серова мечтает стать летчиком. В 1944 году его мечта осуществилась — он, летчик-истребитель, готов сражаться с фашистскими «мессерами» в воздушных боях... Но пришла беда, и мечты о небе пришлось похоронить в Кунгуре Молотовской области, в котловане Широковской ГЭС...

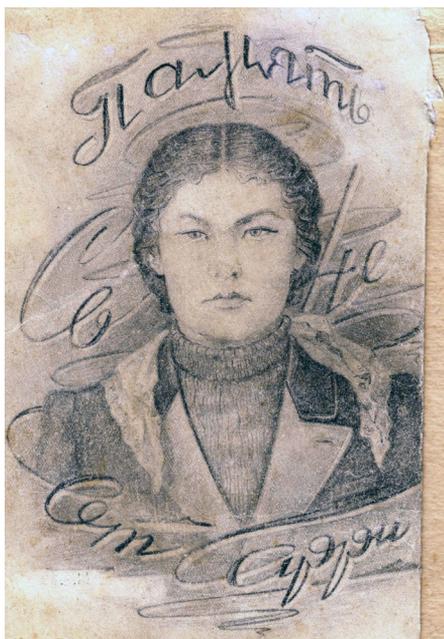
Г.О. Рокчинский вместе с другими курсантами, рядовыми и сержантами, калмыками по национальности (их было около 4 тысяч), оказался в исправительно-трудовом лагере НКВД, или просто, в Широклаге... из воспоминаний других узников Широклага мы знаем: Работа на строительстве плотины была адская. С 6 часов утра до 6 вечера нужно было возить бетон на одноколенной тачке по 300-метровому бетонному трапу, установленному под углом 45°. С полной тачкой — вниз, а затем медленно вверх. При скудном питании такая работа была просто невыносима» [Каруева 2014: 209–210].

И.А. Каруева в своей работе вспоминала, как во время подготовки выставки к юбилею Г.О. Рокчинского *«обнаружили его фотографию, датированную 1944 годом. На обратной стороне фото надпись: «Широклаг»... молодой художник снят в солдатской гимнастерке и пилотке. Делаем вывод: фото относится к начальному периоду пребывания в Широклаге, так как сначала все работали в солдатском обмундировании. Со временем, когда солдатское обмундирование изнашивалось, всем выдавали лагерную форму: фуфайку, шапку, брюки, а вместо обу-*

ви — чуни. Тогда уже бывшие защитники Родины мало были похожи на солдат.

Фотография, отметим, уникальная, даже не была известна членам его семьи. По всей вероятности, у него она просто не сохранилась. Совсем недавно, комплектуя материалы по Широкому, мы получили экспонат, значимость которого трудно переоценить. Это карандашный рисунок небольшого размера с изображением симпатичной девушки-калмычки в военной форме. В нижней части рисунка имя автора: Гарри...

Неизвестный никому рисунок периода Великой Отечественной войны хранился все это время в семейном архиве хозяйки портрета. На портрете изображена она, Софья Николаевна Онджинова, 1924 года рождения, уроженка поселка Башанта. В 1943 году она закончила среднюю школу и сразу же подала заявление в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. В начале июля 1943 года ее вызвали в военкомат. Вместе с другими девушками Соня попала служить под Сталинград, где стоял 27-й отдельный дивизион аэростатного заграждения. После учебы, во время которой были изучены самолеты, аэростаты — все, что относилось к противовоздушной обороне, ее направили в Архангельскую область.

В справке Центрального архива Министерства Обороны СССР записано, что в соответствии с приказом № 166 1568 зенитно-артиллерийского полка "Онджинова С.Н. зачислена в списки части прибывших бойцов из 27 ОДАЗ для дальнейшего прохождения службы". Воевала Софья Николаевна самоотверженно,

будучи дисциплинированным и смелым солдатом. За мужество и отвагу ее наградили орденом Отечественной войны II степени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [Каруева 2014: 210–211].

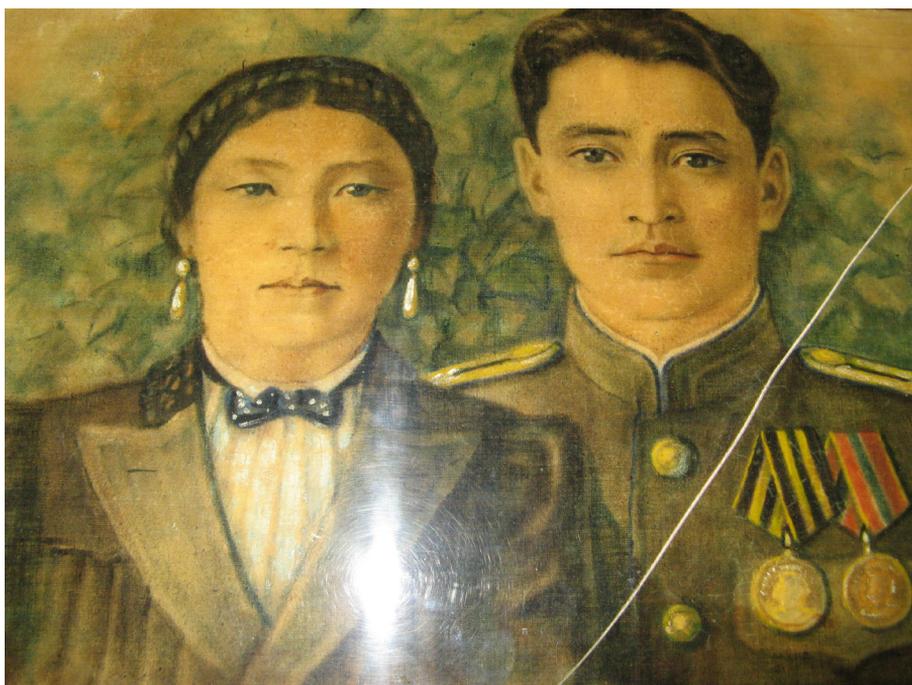
Приказом № 54 от 1 марта 1944 г. Софья Николаевна Онджинова была исключена из списков части и снята со всех видов довольствия. Так «зенитчица С.Н. Онджинова попала в Широлаг, где кроме нее было еще 12 женщин-калмычек. Начались бесконечные «трудовые будни» в прачечной, за день прачка должна была выстирать вручную 75 пар белья, в лазарете, в доме командира Рябова в качестве няньки грудного ребенка. Здесь же в Широлаге она подружилась с молодым художником Г. Рокчинским. В свободное время они беседовали о литературе, искусстве. Именно здесь, в Широлаге был сделан этот рисунок, который 66 лет вместе с фотографией Г. Рокчинского бережно хранился в архиве Софьи Николаевны среди военных документов...

Уже нет в живых ни автора рисунка, ни его владельца, а рисунок сохранился, и еще многие поколения наших соотечественников взгрустнут, глядя на эти открытые, прекрасные лица молодых людей, чья юность совпала с героической и трагической вехой в истории народа» [Каруева 2014: 210–211].

Бесценный памятный подарок музею был преподнесен дочерью С.Н. Онджиновой — Людмилой Борисовной Ургадуловой. Оскорбленные незаконными обвинениями и наказанные каторжной работой, калмыки-фронтовики, несмотря на бесчеловечные условия, жили с уважением и заботой друг о друге, выжили, сохранив веру в добро и справедливость.

Г.О. Рокчинский продолжал свою творческую деятельность и после Широлага. Например, его перу принадлежит живописный портрет супругов Башанкаевых, написанный маслом на холсте, наклеенным на деревянную основу и покрытым лаком. Размер 28,5 x 46 x 1,3 см. Датировка — 1947 год. Место создания: с. Казанка Андреевского района Новосибирской области.

Парный портрет несет фронтальное погрудное изображение молодой супружеской четы Елизаветы Мутуловны и Нармы Аджаяевича Башанкаевых. В горизонтально вытянутой композиции слева изображена круглолицая женщина-калмычка с темной косой, обвитой вокруг головы, и открытым выражением лица. Она одета в светлую блузку, завязанную синим в крапинку бантом, и коричневый костюм с буфообразными рукавом и широкими лацканами. В ушах женщины отсвечивающие серебряным бликом серьги. Справа (плечом за ней) — молодой большеглазый мужчина с правильными чертами лица и волнистыми каштановыми волосами в военной форме лейтенанта Советской армии. На его груди две медали: «За победу над Германией» и «За доблестный труд

в Великой Отечественной войне». Фоном служит зеленая листва, «размытая» в исполнении к краям живописного произведения. Клейма, печати, марки отсутствуют. В правом нижнем углу на лицевой стороне имеется авторская подпись «Гарри. 1947», сделанная вдавливанием по сырому красочному слою (видна фактура холста). Сохранность удовлетворительная. Лаковый слой живописи разделен трещиной, проходящей из правого угла к середине нижнего края произведения. При этом видно, что деревянная основа живописи на холсте была покрыта более поздним по времени плотным слоем лака. Края серого холста, натянутого на доску, подклеены на обороте, имеют загрязнения. В верхней части по центру в доске было сделано отверстие для подвешивания, оформленное металлической накладкой. По всей поверхности наблюдаются клеевые пятна на оборотной стороне, неразборчивая надпись карандашом, состоящая из цифр.

Подводя итоги доклада, отметим, что произведения Г.О. Рокчинского начального депортационного периода относятся к культурному наследию, имеющему не только семейную, но и большую историческую значимость. Оставленные на память о тяжких днях моральных и физических испытаний графические и живописные образы его современников, исполненные с уважением автора к каждой личности, тяжело пострадавшей, но не сломленной, сохранившей достоинство и надежду на торжество справедливости. Произведения несут светлую ауру Памяти, проне-

сенную калмыцким народом через года тяжелых испытаний. Изучение раннего творчества Г.О. Рокчинского дарует новые открытия в истории изобразительного искусства калмыцкого народа.

Источник

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 223. Л. 8–8а. А.В. Шишкин. Фотография Гари Рокчинского с нарисованными им портретами А.С. Пушкина [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://rgali.ru/obj/14900165.html>. (дата обращения: 15.04.2019 г.)].

Литература

Батырева С.Г. Образная память предков. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 108 с.

Каруева И.А. Фотография на память // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства (Элиста, 24 октября 2013 г.). Элиста: Национальный музей РК имени Н.Н. Пальмова, 2014. С. 209–211.

Нурова Г.В. О фотографии Гая Рокчинского из фондов РГАЛИ // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства (Элиста, 24 октября 2013 г.). Элиста: Национальный музей РК имени Н.Н. Пальмова, 2014. С. 85–88.

Убушьева Б.Э. История одного рисунка // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства (Элиста, 24 октября 2013 г.). Элиста: Национальный музей РК имени Н.Н. Пальмова, 2014. С. 108–111.